

Третьяк Мария

В поезде

6+

Мария Викторовна Третьяк

В поезде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67958202

SelfPub; 2022

Аннотация

Лимонов, человек важный и уже умудренный жизненным опытом, едет в поезде, где встречает молодого амбициозного художника Гипсова. У них быстро завязывается разговор, из которого обоим сразу становится понятно, насколько противоположны их точки зрения. Но может ли этот идеологический спор закончиться изменением мнения самого жаркого спорщика?

Мария Третьяк

В поезде

Гроыхало и свистело под железными колёсами железное полотно, пролетали мимо дома, улицы, и уходили в неизвестное ветхие, никому не известные деревушки. Лимонов не смотрел на мелькающие сбоку от него картины: эти нескончаемые «русские вёрсты», как он их с насмешкой окрестил, вызывали у него отвращение – так много их уже объехал. И знал он, что скоро граница, скоро «эти вёрсты» превратятся в «мили», но по «милям» никогда ему не поехать.

От стекла, усыпанного грязными дождевыми пятнами (вот уже полчаса, как кончился дождь), повеяло холодом, и Аркадий Петрович, прислонившийся к оконной раме, поморщился. «...Немытая Россия...», – мелькнуло у него в голове. При этой мысли Лимонов сморщился ещё больше, даже так, что капельки кислого сока, в виде пота, выступили на лбу, между глубокими морщинами. Действительно, было достаточно жарко. Но, к счастью, вагон негромко взвизгнул, качнулся и остановился у самых вокзальных ворот какой-то станции с весьма красноречивым названием.

Лимонов вышел из поезда в надежде досыта надышаться воздухом и вернуться обратно к себе на койку «свежим фруктом».

Только Аркадий Петрович ступил ботинком на асфальт,

как сразу втянул в свою грудную клетку едва ли не весь воздух, который находился под пологим навесом полустанка. Прыжком бывалого гимнаста Лимонов очутился перед застеклённым рекламным стендом. На нём красовалась афиша какого-то нового зарубежного фильма, которая сразу же заинтересовала Аркадия Петровича. Был изображён пожар, летали самолеты, инопланетные корабли – словом, всё во вкусе нашего времени.

«Ну наконец-то, – подумал Лимонов, – хоть одна приятная новость за все четыре дня, что я качусь по этим болотам». (Сказать к чести Аркадия Петровича, места там действительно были достаточно сырыми).

– Эх, черт! – передёрнулся Лимонов. – Только в декабре выйдем! Недосмотрел.

От обиды он ещё сильнее натянул и без того уж очень низко сидевшую тёмно-зелёную шапку чуть ли не на нос. Вдруг крики взявшейся из ниоткуда толпы заставили его обернуться.

Взгляду его предстала занимательная картина: народ собрался у самого входа в вагон и чем-то очень бурно возмущался. Аркадий Петрович подобрался поближе и увидел, как какой-то молодой человек, художник, судя по огромному тощему холсту (который был чуть ли не выше коренастого Аркадия Петровича), шарил по карманам в поисках билета. Чемоданы валялись из рук, вызывая волны смеха.

Рот Аркадия Петровича чуть-чуть не расплылся в улыбке,

за что наш герой себя немедленно отругал.

"Всегда русский человек, – подумалось Лимонову, – был такой... (падение очередной сумки, и новый взрыв эмоций) такой неуклюжий".

Аркадий Петрович нахохлился и повернулся в сторону афиши. Непонятно, сколько он простоял посередине платформы в таком положении, думая об упущенной премьере нового фильма. Но тут прозвенел звонок, и Лимонов с кислой миной поплёлся к вагону. У входа уже никого из пассажиров не было.

Везение всю жизнь так и преследовало Аркадия Петровича. Первое было то, что он всё своё детство провёл в глухой деревушке на самом севере страны, чего всегда почему-то стеснялся. "Но добился же я всё-таки места в Московском университете!" – не без гордости поговаривал он часто. Потом, мама, которую он оставил в деревне, один на один с тяжёлым климатом, была причиной его частых отлучек из столицы. И, наконец, по счастливому стечению обстоятельств, чудак-художник ехал прямо напротив него, хотя половина мест в вагоне была свободна. "Судьба явно заботится, о том, чтобы мне не было скучно", – сказал бы Лимонов, если бы читал русскую литературу.

– У вас очень необычный термос, – вдруг «вылетело» у художника, когда Аркадий Петрович достал свой припасённый чай.

– Что? – переспросил он, несколько обескураженный таким необычным комплиментом.

– Он, видимо, из Владимира, я там похожий на этот видел, – продолжал чудак. – Ба! Вот и надпись "Владимирский кремль". Вы были там?

– Нет, не приходилось... Это дочка, – несколько неохотно ответил Лимонов.

– Жаль. Я вам очень советую туда съездить. Александр Фёдорович Гипсов, – представился художник после короткого молчания.

Лимонову стало несколько смешно от такой официальности мальчика лет двадцати трёх, но он сдержался, с самым серьёзным видом подал руку и представился.

– Позвольте вас спросить, – заговорил Лимонов, – вы, наверное, художник?

Гипсов покосился на свой холст и улыбнулся:

– Не совсем. Я скульптор, а рисую так, в свободное время.

"Счастливым, – подумал Лимонов, – у него есть свободное время".

– Знаете, я только возвращаюсь из Пскова. Какие там храмы, какие памятники!

Не видели?

– Нет, – отрезал Лимонов.

– Как много вы потеряли, Аркадий Петрович! Архитектура чуть ли не десятого века! Я сейчас помогаю одному знаменитому скульптору восстанавливать там собор. И, знаете, это

просто невероятные строительные решения наших предков! Купола храмов, как чешуя, представьте. И кресты в форме якорей. Но много заброшенных храмов. И как больно на них смотреть!

– Реставратору – возможно, – улыбнулся Аркадий Петрович.

– Да любому человеку. Разве вам не больно наблюдать, как памятники нашей культуры рассыпаются по камешкам?

– Некрасиво, согласен. Но всё не так плохо, как вы себе представляете. Храмы, памятники ваши в Пскове – штука определённо важная как история, но всё же отстающая от прогресса.

– Что же, по-вашему, отказаться от культуры?

– Ни в коем случае. Но культура имеет свойство изменяться, знаете вы это?

– Да, культура меняется, и новая, к сожалению, потихоньку вытесняет старые устои, – не без искренней грусти ответил Гипсов.

– Почему же к сожалению? Прогресс идёт, не стоит на месте и культура. Она меняет обличье, и вот уже на другой культуре стоит наше общество. Она, может быть, крепче прошлой.

– Крепче тысячелетней истории?

– А, может, те ценности, что мы сейчас наблюдаем, это начало новой тысячелетней культуры?!

Гипсов встал с кровати и начал ходить взад и вперёд. Ли-

монов, окончательно заинтересовавшись собеседником, размахивал руками на всё купе.

– Но нет! – вдруг выкрикнул скульптор, – послушайте. Была культура, десять веков просуществовавшая, пришли в двадцатом веке, стали строить новую, но не получилось новой! И сейчас не получится – фундамент слишком прочный, чтобы здание за раз-два снести.

– Никто сносить не хочет, поймите вы это! – не на шутку завёлся Лимонов, руки которого, чем больше он говорил, тем шире разводились в стороны – берёшь культуру нашу за основу, пускаешь другую и третью. Зачем заостенело оставаться в своих предрассудках?

Договорил и аж пожелтел от напряжения.

– Вам и третья, и четвёртая культура своих предрассудков запустит! – тоже завёлся Гипсов, – вы и смешение языков хотите сделать? Но ведь язык – основа любой национальности!

– Да пусть и языков, чтобы ту же самую культуру богаче сделать.

– Одну на всех?

Лимонов ничего не ответил, а только кивнул и отвернулся к окну.

Наступило продолжительное молчание. Аркадий Петрович сидел с видом Александра Македонского, празднующего свою победу, в то время как Гипсов, кажется, совсем забыл о споре и занялся своим уехавшим под соседнюю койку чемоданом.

В окно заглядывала осень, играя с подгнившей листвой. Небо было сероватое, холодное, как будто кто-то взял грязную простыню и спрятал за ней солнце. Под действием этой унылой картины Лимонов уже начал медленно опускаться в небытие и клевал носом, как вдруг его громко окликнул Гипсов.

– Нет, Аркадий Петрович, вы не правы. Вот скажите, зачем вам вообще культура?

– Чтобы понимать людей, – задумчиво ответил Лимонов.

– Но все люди разные. В России, например, сто девяносто пять национальностей. Вот если вы возьмёте и добавите в наш Псковский кремль готику, будет это культура? Вы не молчите, говорите. Народ, воспитанный на определённых ценностях, будет смотреть на это как на дикость. Смысл культуры и состоит в том, чтобы народ отделился от других, стал непохожим. А если культура у всех одна, зачем она нужна?..

В ответ последовал вздох – только Александр Федорович так и не понял, одобряющий он был или осуждающий.

Наутро Лимонов проснулся счастливый и свежий, но Гипсова уже не было. Наверное, он вышел на предыдущей станции. И, странное дело, весёлость куда-то начала потихоньку испаряться. Аркадий Петрович встал и, опираясь на верхнюю полку, закрыл форточку, чтобы всё не выдуло. Ехать ему было ещё далеко и, чтобы скоротать время, он начал

переосмысливать события вчерашнего дня. Вспомнилась и афиша на станции, и вдохновенные рассказы скульптора о псковских храмах, и огромный белый холст под мышкой у Гипсова...

«Предан не моде, а идее, – думал Лимонов, – такой, можно сказать, обыкновенный студент, и вдруг вступает в спор – о, не со мной, – а со всем современным обществом. Я всю жизнь пытался идти в ногу со временем и не догнал его...».

Он думал ещё много. А между тем поезд громыхал и свистел железными колёсами по железному полотну. Пролетали мимо русские дома, улицы, и уходили в неизвестность ветхие и родные Лимонову деревни.